

СУДЬБЫ

На краешке стула

Иммигранты из России ищут свое место в еврейской общине Берлина. Журналист **Франциска Кнуппер** о том, почему этот поиск идет так тяжело и что ему мешает.

Франциска Кнуппер

Дни радикальной еврейской культуры в Театре имени Максима Горького в Берлине, день второй. Тиль Вонка шагает по галерее фамильных портретов. Фоном звучит израильская версия главной песни из фильма о холокосте «Жизнь прекрасна». На стене фотографии в рамках: раввины и революционеры, ученые, поп-звезды и отверженные. «Но мы не добренькие жертвы. Мы злые жертвы,— громколасно произносит актер.— Я не благодарен. И не хочу быть благодарным. Я вижу себя скорее неким ангелом мести, торговцем в послевоенной Венеции, возвращающим гоим то, что они делали с нами все это время!»

Актер Тиль Вонка бушует, плюется, лепечет в роли героя из книги Макса Чоллека «Пауль Целан с топором». Но, по сути, Вонка — это все, все еврейские герои и предки. Он курит, как философ Ханна Арендт, в вольтеровском кресле, ест яблочный пирог, как писатель Томас Браш. Главное — чтобы неудобно, главное — чтобы спорно. О конкретной культуре памяти здесь никто не хочет и слышать. Ведь чем больше иврита сегодня вновь звучит на улицах Берлина, тем с большим энтузиазмом куратор Чоллек и его Театр имени Горького планируют еврейский освободительный удар в шумном сердце немецкой столицы под лозунгом «Дезинтегрируйтесь!». Дескать, освободитесь от предшественников, от вопросов о вине, от ошибок прошлого — без компромиссов и замшевых перчаток деликатности.

«Признаюсь, за это я критиковал их в одной своей статье. Во многих пунктах я с господином Чоллеком согласен, но в бескомпромиссную дезинтеграцию не верю. Я про-

должаю верить в строительство мостов»,— говорит Дмитрий Белкин, обводя взглядом Байерншераплац, Баварскую площадь в Берлине, которая в этот зимний вечерний час кажется совсем опустевшей.

Публицист и высокообразованный человек, Белкин переехал в Берлин четыре года назад. Как и Чоллек, он любит рассматривать под лупой немецкую современность. Он участвует в жизни еврейской общины и руководит проектами Стипендиального фонда имени Эрнста Людвиг Эрлиха, поддерживающего одаренных еврейских студентов и аспирантов.

Драматург Чоллек тоже был стипендиатом фонда. Оба они ищут некое «мы» немецкого еврейства, постсоветские корни в постразделенном Берлине, еврейскую доминирующую культуру далеко в стороне от роли жертвы. «Вот только я считаю, что дистанция не пойдет нам на пользу. Еврейская община в Германии всегда будет финансироваться из государственных средств. Но если ты восстаешь против этого государства, то нельзя брать у него и деньги»,— считает он.

Они видели себя в Германии не евреями—жертвами холокоста, а русскими, одержавшими победу над немцами

Еврейская община в Берлине издавна (и по сей день) далека от единства и терзаема противоречиями. В 1990-х годах это усугубилось: после краха СССР, в 1990–2005 годах, в Германию по программе приема приехали около 250 тыс. так называемых еврейских беженцев, сегодня составляющих 90% евреев в стране. Но политическая элита еврейства в Германии по-прежнему имеет германские, венгерские или польские корни. «Мы до сих пор представлены меньшинством»,— говорит Белкин.

45-летний уроженец Украины тоже оказался в Германии в ходе той миграционной волны, когда ему был 21 год. Первую половину своей жизни он провел в СССР, вторую — в ФРГ. Он хотел воспользоваться временным окном, вспоминает мужчи-

на. Кто мог знать, сколько еще границы будут оставаться открытыми?

Тогда, после дискуссии в Бундестаге 31 октября 1990 года, все немецкие партии согласились: евреев, преследуемых в Советском Союзе, должна принять Германия. Им больше не нужно было проходить через процедуру рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, и они могли оставаться в Германии бессрочно. Федеральное административное ведомство в Кельне распределяло приезжавших между землями пропорционально численности населения. Многие жители мегаполисов из Киева, Москвы, Минска вдруг оказывались в таких городках, как Бад-Зюльце, Тросдорф, Припсleben... Белкин из города-миллионника Днепрпетровска тоже был направлен в Ройтлинген в Баден-Вюртемберге.

В сельской местности и без автомобиля пеший поход в супермаркет мог стать центральным событием дня. «Но все могло бы получиться и хуже. Рядом был Тюбинген — я смог изучать философию и историю». Кроме того, была открытость среды, либеральная почва, не отравленная

ксенофобией и антисемитизмом. «Думаю, все очень зависело от того, куда ты попадал. В Германии есть регионы, где к чужакам относились с большой неприязнью».

Михаиль Антонович теребит ремешок своего шлема. Пока столбик термометра не опускается ниже нуля, она ездит по Берлину на своем мотороллере Vespa. Город она знает как свои пять пальцев: девушка росла в Вильмерсдорфе, сейчас живет в районе Бренцлауэр-Берг, а после окончания школы ее ненадолго занесло в Кройцберг. «Переезд в Пренцлауэр-Берг — нестандартный шаг. Большинство приехавших из России живут в Западном Берлине. Я явно была какой-то не такой, какой-то особенной».

Впрочем, к этому Михаиль успешно привыкнуть: в Израиле ее счита-

Для многих евреев из СССР берлинская синагога стала первой в жизни

ли русской немкой, не говорящей на иврите; в Германии — русской еврейкой, плохо знакомой с иудаизмом: «А на Украине я еще вообще не была. Ни разу. Так что же делает меня еврейкой с советскими корнями?»

Внутренние терзания Белкину знакомы. И по себе, и по друзьям, и по коллегам на работе. В иммигрантских историях всегда много глав. А будучи евреем в Германии, ты всегда автоматически становишься своего рода послом Израиля, свидетелем холокоста, экспертом по Ближнему Востоку и профессором теологии, которому все время приходится высказывать свое мнение и давать определения буквально всему. Для русских евреев это было в новинку. Большинство до этого ни разу не были в Израиле, никогда не заглядывали в Тору или если заглядывали, то очень скептическим взглядом. Поскольку в советские годы любая религиозность подавлялась, вновь прибывшие практически не разбирались в вопросах веры: «И вот приехали ты-сячи плохо одетых, не выпавшихся, хорошо образованных людей, голых, с плохими зубами, которые еще никогда не праздновали Бармицвы, но при этом вдруг хотели быть частью группы».

Они приезжали с другими ожиданиями, хотели не зажигать свечи, а найти квартиру, не праздновать Хануку, а устроиться на работу. Они видели себя не еврейскими жертвами холокоста, а русскими, одержавшими победу над немцами. «Но потом

они столкнулись с ухудшением своего положения в обществе»,— добавляет Белкин.

И это был болезненный опыт. Главы фирм становились дворниками, родители — снова детьми, а детям приходилось сопровождать своих родителей в походах по врачам и учреждениям. Германия еще не была страной иммиграции. И, вообще говоря, большинство приезжавших тогда вовсе не планировали остаться навсегда.

«Мои родители тоже ни в коем случае не стали немцами»,— рассказывает Михаиль. В их семейной гостиной Москва всегда была ближе Берлина, разговаривали по-русски, танцевали под русскую музыку. Рождество? «Разумеется, не отмечали». Песах? «К сожалению, тоже нет. Я выросла совсем без праздников».

Поиск идентичности привел ее в еврейский летний лагерь, где девушка обнаружила, что дети там рассказывают друг другу одинаковые анекдоты. Она отправилась в синагогу на бульваре Курфюрстендамм, где атмосфера показалась ей чопорно-строгой. Она сошлась с соседскими детьми из русских семей и радовалась, что их матери готовят пищу, к которой она привыкла дома.

Михаиль открывает сумочку и достает книгу с заглавием «Каббала». Красный печатный шрифт, закладки на половине страниц. Она улыбается. «Я хочу все сделать иначе, чем мои родители»,— говорит она. Михаиль говорит не только о желании воспитывать детей в иудаизме. Это для нее важно (что ее саму удивляет), но это не все. У нее есть собственная концепция религиозности: она хо-

чет объединить культурную традицию с универсальной духовностью.

34-летняя инструктор йоги работает по графику, который определяет сама, утром читает «Каббалу», вечером поет «Ом». Она привыкла сидеть, жить, молиться между двумя стульями. Не исключено, что в скором времени она захочет какое-то время пожить, поработать, повести курсы йоги в Израиле. Нет никакой определенности, возможно все.

«Мы, евреи, издавна чувствуем себя дома именно между мирами, для нас это не составляет труда»,— кивает Дмитрий Белкин, слушаючи историю Михаиль. В этом он видит силу и слабость одновременно, ведь сам он верит не только в мосты, но и в акорья. В то, что к жизни на двух краешках стульев, конечно, можно привыкнуть, но сидеть на мягком сиденье все же удобнее. И «в то, что каждый так или иначе нуждается в некой самоидентификации».

Не нужно искать в этих словах авторитаризма, предупреждает он. Но только устойчивой позиции можно на что-то влиять. А именно стабильности не хватает большинству людей с миграционным бэкграундом. В частности, поэтому его сын ходил в еврейскую гимназию. В частности, поэтому жена Белкина перешла в иудаизм. Только так их совместный ребенок может считаться евреем. В частности, поэтому Дмитрий Белкин вполне осознанно вступил в еврейскую общину Берлина. В ней почти 10 тыс. членов, это самая большая еврейская община в Германии. И, учитывая, что в немецкой столице сегодня около 15 тыс. израильтян, именно здесь нужно прилагать усилия.

ЭКОЛОГИЯ

Слишком высокая цена угля

В нынешнем году в Германии должны закрыться последние каменноугольные шахты. Отказ от бурого угля тоже не за горами. О важности этого немецкого опыта рассказывает **Ханнес Кох**, журналист и автор книг об экономике и охране окружающей среды, соучредитель корреспондентского бюро die korrespondenten в Берлине.

Ханнес Кох

Шел 2005 год, когда экономист Мануэль Фрондель проанализировал положение в немецкой угледобывающей отрасли. Его выводы не прибавили ему друзей: «Разумнее отправить всех шахтеров на Мальорку, чем давать им работу под землей». Для государства это было бы менее затратным, чем ежегодно выделять миллиарды евро на поддержание отрасли. Фрондель уже тогда работал в Рейнско-Вестфальском институте экономических исследований в Эссене, неформальной столице Рурской области, давнего промышленного региона на западе Германии. Напротив офиса Фронделя расположена штабквартира энергоснабжающей компании STEAG, в прошлом Steinkohlen-Elektrizitats AG (Акционерного общества каменноугольной энергетики). Неподдалеку тянутся в небо высоты E.ON и RWE, крупнейших энергетических концернов страны, в прошлом тоже угольных предприятий. В этих и многих других фирмах ирония Фронделя не вызвала энтузиазма, тем более что его институт считался дружественным отрасли. Ученого стали насмешливо величать «королем Мальорки». И тем не менее он оказался прав.

«Добыча каменного угля в Германии долгое время обходилась в три раза дороже, чем если бы он закупался на мировом рынке»,— объясняет

Сократить потребление угля — это и сократить, дать новую профессию десяткам тысяч людей, занятых тяжелейшим шахтерским трудом

Фрондель сегодня. Это главная причина для закрытия двух последних каменноугольных шахт в этом году — в Иббенбюрене и Ботропе. Оно станет точкой в истории, начавшейся почти 500 лет назад.

В России, Китае, Австралии, государствах Латинской Америки и других странах последняя глава отраслевой истории еще не написана, но есть основания полагать, что лучшие времена угольных предприятий остались в прошлом. Что события в Германии говорят о будущем глобальной угольной индустрии?

Вскоре после Второй мировой войны гигантский промышленный район на берегах Рейна и Рура потрясли первые «угольные кризисы». Тамошние горняки были вынуждены спускаться все глубже под землю, в то время как за границей имелись относительно легкодоступные угольные месторождения. Кроме того, появился конкурент в виде сравнительно дешевой нефти. Поэтому шахты закрывались одна за другой. Потребители — тепловые электростанции, металлургические заводы и домохозяйства — предпочитали более дешевые альтернативы.

Но количество занятых в угольной отрасли исчислялось сотнями тысяч. Уголь обладал не только колоссальным экономическим, но и политическим, а также культурным

значением. Спонсируемый «Газпромом» футбольный клуб «Шальке 04» был создан в 1904 году при одном угледобывающем предприятии. Многие игроки и болельщики были из рабочей среды — раньше, но не сегодня.

Рурскую область и сейчас называют «сердцем социал-демократии». Поэтому Социал-демократической

партии Германии (СДПГ) было важно, чтобы шахты, дававшие работу ее членам, не умирали. В конце 1990-х годов объем субсидий составлял примерно €10 млрд в год, или 4% федерального бюджета. Со временем даже для богатого государства такие расходы становятся неподъемными, и потому в 2007 году политики наконец приняли закон, согласно которому последние каменноугольные шахта должна закрыться в 2018 году.

Другой стартовой точкой такой тенденции явилось обещание, данное Вилли Брандтом в 1961 году. «Небо над Рурской областью должно снова стать синим»,— заявил тогдашний кандидат в канцлеры от СДПГ. Посыл его речи был совершенно нетипичным для того времени. Брандт призвал сделать ставки на технологии, меньше загрязняющие атмосферу: атомную энергетику, природный газ, а сегодня и возобновляемые источники энергии. Примерно треть электричества в федеративной республике уже производится ветровыми и солнечными электростанциями, а также электростанциями на биомассе. К 2030 году этот показатель должен составить две трети.

Третьим и важнейшим сегодня фактором предстоящего отказа от угольной энергетики является дискуссия об изменении климата. Так что обратный отчет времени начался и для добычи и энергетического использования бурого угля. Здесь Германия все еще входит в число мировых лидеров добычи, однако

теперь готовится закон о поэтапном отказе и от него в течение следующих десяти лет.

Российским угольщикам следует как минимум учесть такой сценарий в своих расчетах. Они не могут быть уверенными, что спрос на их продукцию на международном рынке сохранится на существующем уровне. Другой критический момент — цены на мировом рынке, которые не раз падали в последние годы. Как следствие, возросла долговая нагрузка на российские шахты. Это не единственный тревожный звонок: падает и потребление угля внутри России. Таким образом, российская экономика оказалась в тупике, констатирует Михаил Крутихин из московской независимой частной компании «Агентство „Русэнерджи“», среди прочего консультирующей иностранных инвесторов.

Если такое положение сохранится, это может благоприятствовать сценарию, схожему с немецким. При условии, что низкий спрос достаточно долго продолжит оказывать давление на цены, российское правительство задумается, что должен финансировать долги угледобывающих предприятий. Движению в этом направлении может способствовать и дискуссия об охране окружающей среды и предотвращении изменений климата, которая и в России не проходит бесследно. Население все настойчивее требует оздоровления окружающей среды, отмечает, в частности, профессор экономики из МГУ имени Ломоносова Сергей Бобылев. Многие россияне в меньшей мере, чем раньше, готовы мириться с ценой загрязнения окружающей среды, в частности с низкой средней продолжительностью жизни. Бобылев напоминает, что президент РФ Владимир Путин оценил потери страны вследствие плохой экологии в 6%, а с учетом воздействия на здоровье людей — даже в 15% ВВП.

Многие россияне в меньшей мере, чем раньше, готовы мириться с ценой загрязнения окружающей среды, в частности, с низкой продолжительностью жизни